



№9 1996

ПУТЕШЕСТВИЯ "ЦИРКА" БАЛМАН

ВИКТОР КРИВУЛИН СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ПОЭЗИИ

(окончание; см. начало в № 8)

Еще одна общеизвестная "пушкинская" дата, лицейская годовщина 19 октября - и еще одна литературная премия - Царскосельская. Она вручается в том самом зале, где, согласно легенде, "старик Державин... в гроб сходя, благословил" юного Пушкина. В этом году премия присуждается в третий раз (лауреаты прежних лет - драматург Александр Володин, прозаики Белла Улановская и Андрей Чернов, историк Александр Ласкин, поэт Владимир Уфлянд).

Передо мной книга стихотворений Сергея Стратановского, за которую он получил Царскосельскую премию 1995 г. Однако эта книга, по идее, должна была бы выйти еще 20 лет назад, ибо в основном состоит из текстов, созданных в вакхической атмосфере тесного дружеского подполья конца 60-х - начала 80-х.

Первый, машинописный, сборник стихотворений Стратановского "В страхе и трепете" распространялся в самиздате еще в 1979 году и высоко оценивался как в околордиссидентской среде, так и любителями поэзии Ленинграда и Москвы. По свидетельству одного из лидеров нынешнего "Мемориала", историка Арсения Рогинского, арестованного в 1980 году, он на зоне часто вспоминал стихи Стратановского: они помогали выжить в нелегких условиях лагеря.

Стихи Стратановского в лучшем смысле этого слова метафизичны, то есть свидетельствуют не столько о переменных в актуальной ситуации окружающего мира, сколько о том, что остается на фоне этих перемен неизменным, пока существует мир и человек. Что же не меняется с течением времени? Смерть, боль, эрос, физические и душевные страдания, вечные вопросы Иова - о Боге и о собственном теле. Поэт не философ - он не задает этих вопросов, он их проживает, напитывает своей плотью и кровью, наделяет неповторимыми индивидуальными биологическими вибрациями, иначе говоря, ритмами - ритмами сердца, сознания, физиологических, психических или эмоциональных циклов. Поэт сам есть вопрос, особенно, если он поэт-философ. Сергей Стратановский - единственный, может быть, сейчас в России поэт-философ в том классическом значении этого слова, которое предполагает не просто проживание "вечных проклятых вопросов" человеческого бытия, но и правильную, грамотную их постановку, то есть не приблизительное, а глубокое знакомство с новейшими философскими системами, в первую очередь - с экзистенциализмом и русской религиозной философией "серебряного века".

Стратановский говорил о Боге - это Бог недостижимый, недоступный, обрекающий человека на неизбежное жизненное поражение и вовсе не гарантирующий последующего воздаяния за муки, спасения. Отсутствие твердых гарантий есть единственное катастрофическое условие чистоты творческого акта, когда стихи возникают, помимо воли поэта, как некие исчадия ада, ибо для поэта "Ад - это он сам", в своем человеческом качестве закланный неизвестно для каких целей.

Эта обреченность властно требует словесного реванша, и тогда-то рождаются мучительные, но настоящие стихи, рождаются из тайных комплексов, из унижений и обид, ошибок и сознания вины - в разрыве, в просвете, в прорехе обыденного смысла. В этом узком просвете

сверхсознания равно сомнительны Фрейд и славянофилы, Маркс и Ницше, "клячащие метафизику фрайбургской бесполезной..." школы и доморожденные народные мыслители из рассказов и повестей Платонова.

То ли Фрейда читать
И таскать его басни в кармане
То ли землю искать



Как пророческий посох в бурьяне
То ли жить начинать
То ли кончить, назад возвратиться
В общерусскую гать
В эту почву, кричащую птицей
Или лучше про пьяную кружку
Поэму писать
И ногами подушку
как мясо кусать
(1972 г.)

Здесь, в щели экзистенциального недоумения, где бессилён и просто неприемлем накопленный веками коллективный гуманитарный опыт, человек предельно оголен, ничто не защищает его, кроме его незащищенности. Но именно незащищенность - лучшая защита, когда под угрозой оказываются фундаментальные нравственные или духовные ценности, выстраданные человечеством, нацией в процессе исторического созревания.

Любопытно, что такой проблемы не существовало для официальной советской поэзии, даже в самых талантливых ее образцах. Любой советский поэт - от Маяковского и Есенина до Евтушенко и Вознесенского - был защищен от необходимости жить в состоянии вечного мучительного вопроса, защищен вплоть до самоотрицания, граничащего с самоубийством. Его не терзал выбор между Фрейдом, К. Леонтьевым и кабацким дионисийством. Каким-то дьявольским наущением поэты советской эпохи обучились искусству культивировать свое интеллектуальное невежество, тщательно камуфлировать и упрощать процедуру "личностного вопрошания", придавать "я-поэта", так сказать, однозначно-товарный вид, в

зависимости от колебаний рыночного спроса или перипетий социального заказа.

Эффективным средством камуфляжа оказывалась безответственная и патетическая игра с пресловутыми "вечными ценностями", национальными и глобальными мифологемами.

В отличие от "совков" (как, впрочем, и от последовавшего за соцреализмом соцарта) Сергей Стратановский с самого начала своего творческого пути свидетельствовал не о пережитом или переживаемом социальном опыте, но о том, что предстоит пережить - и самому поэту, и его согражданам, и языку, на котором мы изъясняемся все с меньшим и меньшим успехом.

Только будущее светит
Только будущим живем
А в углу играют дети
С тихим братиком - с гвоздем.
Эти строки написаны были в конце 60-х. С тех пор дети несколько подросли, прошли Афганистан, Тбилиси, Баку, Сухуми, Приднестровье, Грозный... В каком еще следующем углу бывшего необъятного отечества мы встретим их - и не узнаем, не узнаем под камуфляжем и грудями накаченных мышц? А стихи по-прежнему, и даже более, чем раньше, узнаваемы. Они не устарели, они лишь оплотнели, как бы утяжелились, усохли и спрессовались с течением времени. Стихи не изменились.

Итак, свет будущего - это, прежде всего, утопический, искусственный свет, свет ущербный, мертвенный и мертвящий. В самый разгар перестройки Стратановским был написан цикл холерически-раздраженных стихотворений, представлявших собой серию картин, вырванных из нашего возможного ближайшего будущего - из будущего, где победили почвеннические идеи Николая Федорова, поддержанные компьютерными технологиями.

Представим, что к власти пришли "зеленые", исчезли леса, хлеб остался только в музеях,

обязательным сделалось изучение религиозно-философской литературы. Все стало другим, все изменилось, лишь по-старому звучит "собачий язык" повседневности, замусоренный канцеляризмами и советизмами:

Важный почин
появился у нас в регионе
Библиотерапевты
в общежитиях смертников
развернули большую работу
В бронеконтейнерах
возят старинные книги
Предлагают прочесть
Лао Цзы Кьеркегора Толстого
Чтоб насытились души
идуших в расход по Программе...

Антиутопия? Сатира? Отнюдь нет. Скорее, жалоба, элегическая медитация на темы будущего, в каком-то смысле оно для Стратановского тождественно доисторическому, дохристианскому прошлому.

Танец на костях несостоявшегося светлого будущего, на могиле тотальной коммунистической утопии сделался теперь практически обязательным ритуалом для новейшей культурного истаблшмента. Повальная антиутопия пришла на смену принудительному утопизму советского искусства. Но есть опасность, что стихи Стратановского, попав в контекст новейших идеологических и художественных клише, могут быть прочтены сквозь призму столь влиятельной нынче иронической московской поэзии. В этом случае они потеряют значительную часть своего очарования, утратят важнейшие